

0751

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Мэрон Кендрик

РЫЖЕВОЛОСАЯ ЧАРОВНИЦА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Шэрон Кендрик

Рыжеволосая чаровница

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Кендрик Ш.

Рыжеволосая чаровница / Ш. Кендрик — «Центрполиграф»,
2017 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07703-5

Дарси Дентон приезжает в Лондон из Манчестера, скрываясь от тяжелого прошлого. Она устраивается официанткой в ночном клубе, где знакомится с блестящим архитектором, богачом Ренцо Сабатини. Ренцо пленила рыжеволосая красавица Дарси, они сближаются и становятся любовниками. Для Дарси Ренцо стал не только первым мужчиной, но и пагубной страстью. Она не хочет полностью подчиниться харизматичному мачо и собирается уйти от него. Задача почти невыполнимая, к тому же оказывается, что она носит его ребенка...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07703-5

© Кендрик Ш., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Шэрон Кендрик
Рыжеволосая чаровница
Роман

Sharon Kendrick

Secrets of a Billionaire's Mistress

Secrets of a Billionaire's Mistress © 2017 by Sharon Kendrick

«Рыжеволосая чаровница» © «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Ренцо Сабатини расстегивал рубашку, когда раздался звонок в дверь. Сердце екнуло, в паху разлилось тепло. Он хотел было спустить рубашку с плеч, чтобы Дарси сразу смогла провести пальцами – а затем губами – по коже. Это поможет ему забыть о неприятных делах в Тоскане.

Но зачем об этом думать, когда есть Дарси, воплощение солнечного света и легкости? И зачем торопиться лечь с ней в постель сию же секунду, когда у него целая ночь впереди и столько чувственных удовольствий с его последней и самой восхитительной любовницей? Эта женщина требует всего лишь, чтобы он удовлетворял ее. А ему это легко сделать, потому что стоит коснуться ее белоснежной кожи, как она мгновенно возбуждается. У Ренцо пересохло во рту. Прошло четыре месяца, а колдовство не проходит.

Он не переставал удивляться, что у них это продолжается так долго – они ведь совершенно из разных миров, и она не его тип женщины. И внешне полная противоположность: он весь состоит из резких твердых линий, а она – сплошные роскошные округлости, которые едва помещаются в белье.

Губы Ренцо изогнулись в холодной улыбке. Их связь не должна была продлиться более одной ночи, но отказаться от ее шикарного тела стало невозможным, и все продолжилось.

Звонок раздался снова, и Ренцо бросил недовольный взгляд на часы на руке. Неужели она проявляет нетерпение?

Его апартаменты в Белгрейвии¹ были весьма обширны, и, пока он, босой, прошлепал к входной двери, звонок прозвонил еще раз. Она должна прийти через полчаса. Забыла, о чем они договорились? Он открыл дверь – на пороге стояла Дарси Дентон в легком плаще, туго затянутом на тонкой талии, и с мокрыми от дождя кудрями. Он знал, что под плащом у нее форменное платье официантки, потому что она живет в другом конце Лондона, там, где Ренцо никогда не бывает. Они сразу же договорились, что если она поедет домой после смены, чтобы переодеться, то на это уйдет не один час, даже если он пришлет за ней машину. А Ренцо очень занятой человек, он известный архитектор, у него проекты на нескольких континентах, и время слишком ему дорого, чтобы тратить попусту. Поэтому она всегда приходит к нему прямо с работы, взяв с собой лишь самое необходимое, хотя это совершенно ни к чему, поскольку на ней редко бывает одежда, когда она с Ренцо.

Ренцо смотрел в ее зеленые глаза, которые сверкали подобно изумрудам, на фарфорово-белую кожу, и, как всегда, кровь у него запульсировала от предвкушения.

– Ты рано, – произнес он. – Специально высчитывала время, чтобы прийти, когда я не одет?

Дарси еле заметно улыбнулась. Она замерзла и промокла, и вообще день был ужасный. Посетитель пролил чай на форменное платье, затем ребенка вырвало, а в конце смены, когда она посмотрела в окно, то увидела, что начался дождь, и, как назло, кто-то взял ее зонт. А Ренцо Сабатини стоит в теплой квартире, похожей на дворцовые апартаменты, и строит догадки о том, что она высчитывает время, чтобы застать его в голом виде. Делать ей больше нечего! Ну и самонадеянность! Такого наглеца надо поискать.

Но она это знала, когда согласилась на безумную связь с ним. Она ведь понимала, что ни к чему хорошему это не приведет. Ясно, для чего богатым и влиятельным мужчинам нужны официантки.

Внутреннего голоса она не послушалась и оказалась в постели Ренцо – постели королевских размеров. Упрекать ей некого, кроме себя. Но на постоянные упреки времени не хватало,

¹ Белгрейвия – фешенебельный район Лондона. (Здесь и далее примеч. пер.)

потому что большую часть она стонала от наслаждения. Сопротивление у Дарси было не долгим, это оказалось выше ее сил. Он поцеловал ее, и... она уже в его объятиях. Никогда не думала, что поцелуй может так на нее подействовать. Не представляла, что от желания, от страсти можно почувствовать себя так, будто плывешь или летаешь. Она отдала ему свою невинность, и после потрясения от того, что он ее первый мужчина, он доставил ей такое наслаждение, о котором она и не помышляла.

Какое-то время все было чудесно. Даже более чем чудесно. Она проводила с ним ночь, когда он бывал в стране, а иногда и следующий день тоже, если в его графике оказывалось свободное время. Он готовил омлет и включал музыку – такую музыку она никогда раньше не слушала, меланхоличную, где преобладали скрипки, – а сам углублялся в сказочные и замысловатые чертежи, которые в один прекрасный день станут сверкающими небоскребами. Ренцо славился своими архитектурными изысками.

Но последнее время что-то у нее в душе изменилось. Может, совесть заговорила? Или она почувствовала, что ее самоуважение, и без того сомнительное, начало разрушаться, потому что он прятал ее в своих шикарных апартаментах, словно неприличный секрет? Или дело в том, что она начала спрашивать себя, кем она стала, и ответ ей не понравился.

Она – игрушка богача. Женщина, которая готова раздеться, стоит ему щелкнуть пальцами... длинными, загорелыми.

Но сейчас она здесь, и глупо портить предстоящий вечер. Поэтому она сменила натянутую улыбку на сияющую, опустила сумку на пол, стащила пластмассовый обруч с волос и тряхнула мокрыми кудряшками. Дарси не могла с удовольствием не отметить, что у Ренцо потемнели глаза – его тягу к ней она никогда не оспаривала. Казалось, он никак не может ею насладиться, и она знала почему. Потому что она другая, она девушка из рабочего сословия. Она не училась в колледже, да и вообще как следует не училась, и почти все, что она знала, получила самообразованием. У нее аппетитная фигура и рыжие волосы, а если верить фотографиям в газетах, обычно он увлекался худенькими, стройными брюнетками. Они ни в чем не подходят друг другу... за исключением постели.

Секс у них был потрясающий, но не будет же это продолжаться бесконечно. Это путь в никуда. Дарси знала, что ей делать. Знала, что, сколько бы она себя ни обманывала, реальность заставит ее все изменить. Ренцо уже начал воспринимать ее как естественное дополнение к своей жизни. Она понимала, что, если их связь продолжится, волшебство встреч просто исчезнет. А она этого не хотела, потому что воспоминания – могущественная вещь. Плохие подобны тяжелой ноше – кто-кто, а она это знала, – поэтому у нее должны остаться только хорошие воспоминания. Дарси это твердо решила, но как набраться храбрости уйти от него, прежде чем Ренцо сам уйдет и оставит ее сломленной и уничтоженной.

– Я пришла раньше, потому что отослала твоего водителя и поехала на метро, – объяснила она, смахивая с рыжих завитков остатки капель.

– Ты отослала водителя? – Он нахмурился, снимая с нее мокрый плащ. – Зачем, скажи на милость?

Дарси вздохнула, спрашивая себя, каково это – быть Ренцо Сабатини и жить в замкнутом и защищенном мире, где есть автомобили с шоферами и личные самолеты. И это убережет тебя от дождя и снега и ото всех неприятностей, которые преследуют обычных людей. У таких, как Ренцо, прислуга делает покупки и убирает одежду, разбросанную по полу спальни.

– В часы пик на улицах пробки и машины двигаются с черепашьей скоростью. Общественный транспорт надежнее. – Она забрала от него плащ и встряхнула, прежде чем повесить в шкаф. – А теперь хватит выражать недовольство из-за моего раннего появления. Лучше напои меня чаем. Я замерзла.

Но он не пошел на кухню, как поступил бы любой другой, услышав подобную просьбу. Вместо этого он обнял ее и поцеловал. Твердые губы сомкнулись на ее губах, пальцы впились

ей в тело сквозь форменное платье. От его голой груди исходило тепло, он возбужден. Крепкое бедро толкнуло ее, веки у Дарси затрепетали, и она помимо воли раздвинула ноги. И ей уже не холодно, и чаю она больше не хочет. Все куда-то ушло... вопросы, неуверенность, замерзшие пальцы вцепились в жесткие волосы на его голой груди, и она растворилась в растущем тепле.

– Ренцо... я горю как в аду, – выдохнула она.

– Похоже на ад? – пробормотал он.

– Нет... на рай, если тебе больше нравится.

– Я тоже так думаю. Ты собираешься согреть руки у меня на груди?

– Пытаюсь, но не удастся. Ты много чего умеешь, но не быть грелкой.

– Ты права – мои умения лежат в другой плоскости. Могу их тебе продемонстрировать прямо сейчас. – Он взял ее руку и направил себе в пах. – По-моему, тебе лучше пойти со мной в душ.

Сказать ему «нет» невозможно. Прикосновение Ренцо подобно запальному средству: две секунды в его объятиях, и она уже охвачена огнем.

В ванной он, бормоча что-то по-итальянски, расстегнул молнию на ее бежевом форменном платье и спустил его вниз. Затем взял в ладони грудь. У Дарси была большая грудь, не соразмерная с фигурой, и это всегда отравляло ей жизнь, потому что глаза мужчин постоянно устремлялись туда. Она даже думала об уменьшении груди, но откуда официантке взять деньги на операцию?

Приходилось носить плотные бюстгалтеры, но именно Ренцо научил Дарси полюбить свое тело, сказав, что ее грудь – это самое великолепное, что он когда-либо видел. Он наслаждался, посасывая и покусывая соски, пока она не начинала вскрикивать от удовольствия. Он стал сам покупать ей белье – это единственное, что она позволила ему покупать для нее, и лишь потому, что он проявил настойчивость. Ренцо не мог понять, почему она не позволяет ему тратить на нее деньги, но этот вопрос был для нее очень болезненным, а рассказать, в чем дело, она не хотела.

Но на красивое белье она все же согласилась, потому что он заявил, что это усиливает эротический накал. В результате она получила бюстгалтеры фасона балконет-бра и крошечные трусики, которые полностью открывают ее округлые бедра. Ей казалось, что есть что-то порочное в том, что у нее под скучным платьем официантки сексуальное белье. А он сказал, что хочет, чтобы она не забывала о нем, когда он находится далеко по делам. Он хочет представлять ее в этом белье, хочет, чтобы она думала в эти моменты о нем. Это его фантазии, но она не могла отрицать, что он ее возбуждает даже в мыслях. Все в высоком, мужественном Ренцо Сабатини ее возбуждало... и черные волосы, и черные глаза, и даже очки в темной оправе – он надевает очки, когда работает над чертежами. А когда он смотрит на нее, гладит ее, то она дрожит от невыносимого желания... вот как сейчас.

Платье упало на пол, а за платьем последовало тонкое белье. Мастер раздевать и раздеваться, ее итальянский любовник вскоре тоже оказался обнаженным, как и она.

– Выглядит устрашающе? – Он насмешливо улыбнулся и кивком указал на свой возбужденный член. – Хочешь потрогать?

Дарси чуть не задохнулась.

– Сначала мне надо встать под горячий душ, – пробормотала она. – У меня такие холодные руки, что ты отшатнешься.

– Не отшатнусь. – Глаза у него блеснули, и он, подхватив ее, отнес в душевую комнату под сильную струю горячей воды.

Вода обжигала ей ледяную кожу, жадные губы Ренцо терзали ей рот, одна его рука оказалась у нее между ног, другая гладила ноющий сосок. Среди пара Дарси чувствовала себя как в тропическом лесу. Она совершенно расслабилась и провела ладонями по его телу, наслаждаясь ощущением твердых мышц, гладкой оливковой кожи. Дарси осторожно погладила большим и

указательным пальцами его член – она знала, что ему это нравится. Он издал стон. Ей тоже нравится, когда он ее трогает... везде трогает. И чем дольше это у них продолжается, тем труднее ей представить жизнь без него.

Она закрыла глаза. Пальцы Ренцо рисовали круги у нее на животе, пока не запутались в мокром треугольнике волос. Один палец проник ей внутрь. Дарси охнула от удовольствия и задвигала бедрами, прижимаясь к нему. Она уже на грани взрыва. Она хочет взрыва, а потом хочет забыться.

– Сейчас, – вырвалось у нее. – Сейчас... скорее...

– Ты нетерпеливая, малышка.

Конечно, она нетерпеливая – она ведь не видела его почти месяц. Сначала он был в Японии, а потом улетел в Южную Америку, чтобы проследить, как продвигается строительство гостиничного комплекса по его проекту. От него приходили редкие имейлы. Например, с описания дамы, сделавшей ему недвусмысленное предложение после официальной встречи. Дарси сделала вид, что ей все равно и совсем не обидно. Он даже позвонил ей один раз из аэропорта в Рио-де-Жанейро, когда отложили его рейс. Скорее всего, ему надо было убить время. И хотя в тот момент она в непогоду шла из дешевого супермаркета, все же вернулась и укрылась в дверях, чтобы поговорить с ним. Дарси убеждала себя, что ей безразлично такое его отношение, что у них связь без обязательств и именно это делает ее интересной.

Он с самого начала сказал ей, что она может ожидать, а чего нет. Обязательства и любовь возглавляли перечень того, что она должна выкинуть из головы. Дарси помнила, какой у него был унылый взгляд, когда он произносил эти слова, и очень удивилась, потому что обычно его черные глаза ничего не выдавали. Но расспрашивать она не стала, почувствовав, что он прекратит этот разговор. Она вообще никогда ни о чем не расспрашивала, потому что если станешь кому-либо задавать слишком много вопросов, то вопросы начнут задавать и ей, а она меньше всего этого хотела.

И она согласилась на его условия, вела себя так, словно на свете не было ничего более разумного. Честно говоря, она была не в силах думать дальше следующего поцелуя, и каждый поцелуй привязывал ее к Ренцо все крепче. Но прошло несколько месяцев с тех пор, как он получил от нее это согласие, а время переменило все. Так бывает всегда. Время углубляет ваши чувства и порождает глупые мечты. А что может быть глупее, чем фантазии о будущем с богачом-архитектором, у которого личный самолет и дома по всему миру? А что есть у нее? Никакой профессии, и единственное умение – это обслуживать посетителей в ресторане.

Дарси прижала губы к его плечу, думая о том, как лучше ответить на его вопрос, как показать ему, что она все-таки сохранила остатки самодостаточности, даже если это ускользает с каждой секундой.

– Нетерпеливая? – пробормотала она. – Если я слишком спешу, то мы всегда можем отложить это... заняться этим позже. Выпьем чаю, в конце концов. А, Ренцо?

Ответ был быстрый и однозначный. Схватив Дарси за руки, он приподнял ее и прижал к гранитной стенке душевой, развел ей ноги и вонзился в нее, горячий и твердый. У Дарси перехватило дыхание, и она вскрикнула, ощутив ритмичные толчки. Он обучил ее всему, и она превратилась в его старательную ученицу. В его объятиях она оживала.

– Ренцо... – повторяла она в такт его движениям у себя внутри.

– Ты скучала без меня, *cara*?

Она закрыла глаза:

– Я скучала... без этого.

– И все?

Дарси едва не призналась, что ничего другого у них нет, но зачем портить такой восхитительный момент? Ни один мужчина не захочет услышать подобное – особенно такой эгоистичный, как Ренцо, – пусть это и правда.

– Конечно, я скучала по тебе, – ответила она.

Почувствовал ли он, что ее ответ не на сто процентов соответствует действительности, чего он требовал во всем и от всех? Может, заметил и поэтому умерил свой пыл.

– Ренцо?...

– Что такое?

– Не играй со мной.

– Но я-то думал, что тебе это нравится. – Он нагнул голову и прошептал ей в ухо: – Надо заставить меня упрашивать.

Она с силой вцепилась ему в ягодицы. Он торжествующе захохотал и вознаградил ее тем, чего ей так хотелось. Не останавливаясь, он погружался в нее все быстрее и резче, пока она не начала вскрикивать. Крики были заглушены поцелуями. Он и сам хрипло стонал. В мозгу у Дарси пронеслось, что это единственные моменты, когда она слышит его беспомощные стоны.

Он долго не отпускал ее от себя. Наконец она перестала дрожать, и тогда он намылил ее с головы до ног, касаясь почти нежно. Потом тщательно ее вытер, отнес в спальню и уложил на широченную кровать. Крахмальные простыни приятно охладили кожу, в окно были видны верхушки деревьев на Итон-сквер. Ренцо улегся рядом и обнял Дарси за талию. Ее клонило ко сну, да и его тоже. Но ведь им надо и поговорить, а не засыпать сию минуту, будто они двое животных после совокупления.

А разве они не животные? Их связывает исключительно секс. Ничего, кроме секса.

Она заставила себя спросить:

– Как ты проводил время?

– Ты хочешь знать?

– Да, хочу.

– Все было хорошо. – Он зевнул. – Гостиница почти закончена, и я получил новый заказ на художественную галерею в пригороде Токио.

– Но ты устал?

– *Sì, cara*. Я устал. – Голос у него прозвучал с насмешкой.

Дарси прижалась к нему.

– И даже не подумал о том, чтобы отдохнуть, расслабиться, насладиться успехом?

– Да нет. – Он снова зевнул.

– Почему нет? – Что-то подстегивало ее настаивать, хотя чувствовала его растущее недовольство от этих вопросов.

– Потому что люди в моем положении не «расслабляются». Потому что есть сотни напористых новых архитекторов, которые с радостью займут мое место. Стоит утратить чутье, и тебя съедят. – Он погладил ей сосок. – Лучше расскажи, чем ты занималась.

– О, у меня ничего интересного – все как обычно. – Она закрыла глаза, подумав, что они могли бы поспать.

Но ошиблась, потому что Ренцо потерялся о ее грудь, а когда она в ответ что-то согласно промычала, он уткнулся лицом ей в волосы и начал снова погружаться в ее лоно. Две близости менее чем за час...

Побороть усталость после этого не удалось, и Дарси заснула глубоким сном. Через какое-то время она почувствовала, что матрас дрогнул – это встал Ренцо. Она приоткрыла веки и увидела, что весенний светлый вечер еще не закончился. Листья на верхушках деревьев, видневшихся за окном, были золотисто-зеленые в лучах заходящего солнца, и Дарси слышала вдалеке пение птиц.

То, что она лежит здесь, казалось нереальным. Площадь в фешенебельном районе, где жил Ренцо, иногда представлялась ей миражом. Пышная зелень производила впечатление того, что ты в деревне. Но за деревьями вокруг его роскошного дома простирался тот Лондон, который был ее городом. С дешевыми магазинами и многоэтажками, с мусором на тротуарах, зато-

рами на дорогах и злыми водителями. А где-то, не так чтобы уж очень далеко, есть крошечная квартирка, которую она называет своим домом. Порой она думала, что ее квартира находится на другой планете. То, что с ней происходит, похоже на банальный роман и старо как мир: миллионер и любовница-официантка.

Но Ренцо не воспользовался ее простодушием, разве не так? Он никогда не требовал того, чего она сама не хотела ему дать. Она согласилась, когда он предложил подвезти ее до дома, хотя внутренний голос кричал, что это неразумно. И впервые в жизни она отступила от своего правила вести себя с умом, а ведь это было для нее так же естественно, как то, что у нее ярко-рыжие волосы. Не один год она жила тихо и незаметно... лишь бы выжить. Но не на этот раз. Она уступила желанию и сделала то, что ей действительно хотелось. И это желание называется Ренцо.

Потому что она никогда не хотела никого так сильно, как хотела его.

Она была уверена, что ему хватит и одной ночи с ней, но за этой ночью последовала еще одна, потом еще и еще, по мере того, как развивалась их связь, существующая исключительно в стенах его дома, потому что по негласному уговору они никогда никуда не ходили вместе. Знакомые Ренцо были богаты, известны, как и он. Успешные, влиятельные люди... что у них общего с ней? Да и странно было бы им появляться вместе на публике. Они же не пара в общепринятом смысле.

Дарси понимала, что их отношения можно назвать «сексуальной дружбой», хотя секс перевешивал дружбу – высокомерный итальянец как-то заявил ей, что у него нет друзей среди женщин. Женщины предназначены для спальни и кухни – он так и сказал ей однажды после их длительного секса, закончившегося в ванной. После он сказал, что пошутил, но Дарси увидела долю правды в его словах. А что еще хуже, это то, что его надменность ее возбуждала, пусть она и постаралась сделать вид, что ей не по душе такие высказывания.

Но ситуация ей была ясна – она не дурочка. Ренцо Сабатини похож на мороженое в вафельном стаканчике, которым приятно полакомиться в солнечный день. Вкус восхитительный – вероятно, такого вы никогда не пробовали, – но вы же не ждете, что удовольствие бесконечно.

Дарси подняла голову. Он вернулся в спальню абсолютно голый и с подносом – обязанность, которую она исполняла много раз за день, правда одетая в форменное платье.

– Ты меня балуешь, – сказала она.

– Я просто отвечаю любезностью на любезность. Хотел было узнать, где ты научилась так соблазнительно облизывать мне бедра, но тут понял, что...

– Что я научилась этому у тебя?

– *Esattamente*². – Глаза у него заблестели. – Голодная?

– Хочу пить.

– Неудивительно. – Он нагнулся и провел губами по ее губам.

Она взяла чашку чаю, а он натянул джинсы и с бокалом красного вина пошел к письменному столу. Усевшись, он надел очки в темной оправе, включил компьютер и начал работать, полностью погрузившись в то, что видел на экране. Он сидел к ней спиной, и Дарси почувствовала себя выгнанной вон. Она – мелкий зубчик в гигантском колесе его жизни. У них всего лишь был секс – два раза, – и сейчас он занялся работой и будет работать до тех пор, пока его тело не потребует нового секса с ней.

А она позволит ему это. Такая уж у нее роль. До сих пор ей этого было достаточно, но вдруг, неожиданно, она поняла, что этого мало.

Неужели он уловил ее недовольство? Почему тогда он громко спросил:

– Что-то не так?

² Правильно (*ит.*).

Ей бы сказать «нет», сказать, что все в порядке, похлопать по краю кровати и угодливо улыбнуться. Она ведь обычно так и делала. Но сегодня у Дарси не было настроения уступать, угождать ему. Перед тем как уйти на работу, она услышала по радио одну песню, напомнившую ей место, куда она не хотела никогда возвращаться, и мать, которую она всю жизнь пыталась забыть.

Глупо, как несколько нот могут задеть душу и заставить тебя плакать. Глупо и то, что ты можешь продолжать любить того, кто много раз унижал тебя. Вот в чем крылась подлинная причина, почему она отослала шофера Ренцо – никто не увидит ее слез. Она хотела пешком дойти до метро, чтобы слезы, навернувшиеся на глаза, были незаметны под дождем. Она надеялась, что, когда придет сюда и когда итальянский любовник уложит ее в постель, ей станет легче на душе. Но легче ей не стало, а совсем наоборот. Она поняла, что потрясающий секс с шампанским в придачу, как и жизнь в тени влиятельного мужчины, не является рецептом счастья, и чем дольше она позволяет себе это, тем труднее будет вернуться в реальный мир. Ее мир.

Дарси допила чай и отставила чашку, на губах остался легкий привкус мяты и лепестков роз. Пришло время этой связи постепенно исчезнуть. И хотя она будет страшно по нему скучать, именно она должна это сделать.

Она взяла себя в руки и как можно равнодушнее сказала:

– Знаешь, я не смогу с тобой видаться какое-то время.

Ренцо повернулся от экрана и положил очки на стол. Он нахмурился и спросил:

– Ты о чем?

– У меня недельный отпуск на работе, и я собираюсь поехать в Норфолк.

Дарси видела, что он встревожился. Обычно его не интересовало, что она делает, когда находится не с ним, но иногда он задавал вежливый вопрос, вероятно, чувствовал, что этого от него ждут. Но сейчас он действительно заинтересовался.

– Что ты будешь делать в Норфолке?

Она пожала голым плечом:

– Поищу дом в аренду. Я собираюсь туда переехать.

– Ты что... уедешь из Лондона?

– Ренцо, чему ты удивляешься? Люди постоянно уезжают из Лондона.

– Знаю. Но... – Он наморщил лоб, будто сказанное ею выше его понимания. – Почему Норфолк?

Дарси была готова сказать ему, что хочет перемен – что правда, – а о подлинной причине умолчать. Голос у нее прозвучал пусть и тихо, но дрожал от злости, направленной и на себя, и на него. На его полное равнодушие к ее делам.

– Потому что там я смогу арендовать что-то, откуда открывается вид не на кирпичную стену, и где я смогу вдохнуть чистый воздух. Плата за жилье там ниже, и жизнь более размеренная, не выматывающая.

Он продолжал хмуриться.

– Я правильно понимаю – тебе не нравится место, где ты живешь?

– До последнего времени оно соответствовало моим потребностям, – осторожно подбирая слова, сказала она.

– Весьма неубедительное объяснение. – Он помолчал. – Ты поэтому никогда меня к себе не приглашала?

Она не приглашала, чтобы избавить его от неловкости... и себя. Она представила его в своей нищенской квартире, представляла, как он ест обед прямо с подноса, или с трудом помещается в крошечной ванной, или – что еще ужаснее – лежит на узкой односпальной кровати. Им обоим было бы неловко, и это еще сильнее подчеркнуло бы огромный водораздел между ними. Вот почему она никогда не звала его к себе.

– Ты на самом деле этого хотел?

Ренцо задумался. Разумеется, нет. Но был удивлен, что его не приглашали. Не нужно быть очень умным, чтобы понять – ее жизнь очень отличается от его жизни. Возможно, если он увидит обстановку, в которой она живет, то совесть заставит его выписать чек, и на этот раз он проявит больше настойчивости, чтобы она приняла этот чек. Он, возможно, посоветует ей купить новые диванные подушки, или ковер, или даже новую кухню. Обычно так всегда и происходит у всех. Но Дарси – самая гордая из всех известных ему женщин. Исключая сексуальное белье – он настоял, чтобы она это носила, – она упрямо отказывалась от других подарков. Господи, даже его светские любовницы охотно принимали бриллиантовое кольцо, браслеты, модные туфли. Ренцо нравилось делать женщинам дорогие подарки... чтобы чувствовать, что никоим образом им не обязан. Это сводило интимные связи к тому, чем они являлись, – к сделкам.

– Нет, я не напрашиваюсь на приглашение, – наконец произнес он. – Но я думал, что ты могла бы обсудить свои планы на отпуск со мной, прежде чем что-то решить.

– Ренцо, ты же никогда не обсуждаешь со мной свои планы. Ты поступаешь так, как тебе хочется.

– Ты предлагаешь, чтобы я сначала согласовывал свои планы с тобой? – удивился он.

– Нет, конечно. Ты ясно дал мне понять, что ты так никогда не поступаешь, и я с этим согласилась. Не понимаю, почему ты можешь возражать, если я сделаю то же самое.

Всем распорядился он, и она сразу это усвоила, а сейчас он углядел непримиримый блеск в зеленых глазах. И вдруг ему в голову пришла необычная мысль.

– Ты, возможно, вообще останешься в Норфолке?

– Все может быть.

– Тогда выходит, что мы с тобой сегодня видимся в последний раз.

Она пожала плечами:

– Возможно.

– И это все? Конец?

– А чего ты ожидал? Это должно когда-нибудь закончиться.

Ренцо сощурил глаза и задумался. Пару часов назад его не сильно взволновало бы то, что он может ее больше не увидеть. О, разумеется, ему было бы жаль, и он, разумеется, скучал бы по ней в физическом смысле, потому что ее азарт в любви был неописуем. Он был готов признать, что она – самая лучшая из его любовниц, и все потому, что он научил ее примеряться к нуждам его собственного тела. Но ничто не длится вечно. Он это знал. Через месяц – может, раньше – он заменил бы ее другой. Кем-то похладнокровнее и поприличнее, женщиной, которая легче могла войти в его окружение. А Дарси Дентон это не дано.

Но получилось вот что: это она уходит от него, и Ренцо такое положение вещей абсолютно не понравилось. Он по натуре хищник, гордый и свирепый. Женщины его не оставляют, это он уходит от них... когда пожелает. И он все еще ее хочет. Он пока что не достиг того уровня скуки, чтобы перевести ее телефонные звонки на голосовую почту или долго не отвечать на эсэмэски. Что же ему делать?

– Как насчет того, чтобы не ездить одной в Норфолк, а провести отпуск со мной?

У нее округлились глаза, и он понял, что его предложение ее поразило. И взволновало, если судить по тому, как налились у нее соски поверх мягкой простыни, которой она не успела прикрыть грудь. Он тоже возбудился, в паху запульсировало.

– Ты серьезно? – Изумрудные глаза смотрели настороженно.

– Почему нет?

Он встал с кресла и присел с ней рядом на край кровати, прекрасно сознавая, какой эффект производит его близость на нее.

– Разве это такое отвратительное предложение – взять с собой любовницу в отпуск?

Она пожала плечами:

– Обычно у нас этого не было. Мы обычно никуда не выходим из дома.

– Но жизнь была бы очень скучной, если бы случилось исключительно то, что ожидается. Неужели мысль уехать со мной на несколько дней тебя не привлекает? – Он жестом собственника накрыл ладонью теплую грудь и смотрел, как ее лебединая шейка дрогнула – она с трудом сглотнула слюну.

– Ренцо...

– Мм?

– Очень трудно... мыслить ясно, когда ты вот так меня трогаешь.

– Мыслить в спальне – зря терять время, – пробормотал он, сжимая пальцами ей грудь. – О чем тут думать? Мое предложение очень простое. Ты могла бы полететь со мной в Тоскану. Мне нужно там быть в конце недели, мы могли бы провести вместе несколько дней, и у тебя останется время, чтобы поехать в Норфолк.

Дарси откинулась на подушки и закрыла глаза, а он продолжал теревить ей грудь.

– У тебя там дом? – выдохнула она. – В Тоскане?

– Скоро его не будет, – ответил он. – Вот поэтому я туда отправляюсь – я продаю дом. – Рука сильнее стискивала ее грудь. – Ты можешь составить мне компанию. Мне придется улететь в Париж ранним рейсом – кое-какие дела там, – но ты могла бы сама полететь. – Он помолчал. – Как тебе такая идея, Дарси?

Его слова медленно проникали ей в сознание, поскольку он продолжал водить пальцами по набухшему соску. Дарси заморгала и открыла глаза. Глаза Ренцо, черные, похожие на блестящие гагаты³, сверлили ее. Магия, созданная его глазами и пальцами, продолжалась.

Она облизнула губы. Конечно, поехать с ним на несколько дней очень привлекает, но не Тоскана заставляет ее сердце колотиться, как у жеребца, выигравшего скачки. Это Ренцо ее привлекает... искушает. Дурно ли это – ухватить последние дни любви с ним в совершенно другой обстановке? В его обширных апартаментах она ощущала себя частью мебели среди современной бытовой техники, бассейна в цокольном этаже, террасы с подогревом на крыше и огромного домашнего кинотеатра. Может, все-таки поехать в Италию и в незнакомом доме, в чужой стране, притвориться, что она – настоящая подруга Ренцо? Девушка, которая по-настоящему ему дорога, а не особа, с которой ему хочется стащить трусы каждый раз, как он ее видит.

– Идея неплохая, – сказала она. – И меня заинтересовала... немного.

– Не очень-то восторженный ответ, – заметил он. – Но это означает «да»?

– Это «да». – Дарси утопала спиной в пуховых подушках, пока Ренцо нежно пощипывал ей набухший и ноющий сосок.

– Хорошо. – Круговые движения пальцев остановились. – Но прежде ты позволишь купить тебе новую одежду.

Глаза у нее мгновенно раскрылись, и она отбросила его руку.

– Когда до твоей тупой башки дойдет, что меня не интересуют твои деньги, Ренцо?

– Восхитительная независимость, но немного излишняя. Почему просто, с милой улыбкой, не согласиться? Мне нравится делать подарки, и большинству женщин нравится их получать.

– Я оценила твои добрые намерения, и в любом случае – спасибо, – натянуто произнесла она, – но я их не хочу.

– Это не вопрос желания, скорее вопрос необходимости. Боюсь, что на этот раз я вынужден настаивать, – мягко ответил он. – Я должен поддерживать определенный имидж в Италии, и поскольку ты вместе со мной, то, естественно, находишься в центре внимания. Мне бы очень не хотелось видеть, что тебя осудят, что ты не так одета.

³ Гагат – черный янтарь.

– Так, как ты осуждаешь меня?

Он покачал головой, губы дрогнули в улыбке, бархатный голос обволакивал:

– Ты должна была уже понять, что я предпочитаю, чтобы на тебе вообще не было ничего надето. Что лучше, чем твоя молочная кожа? Но это из области моих фантазий. Не будешь же ты бродить по тосканским холмам голышом? Дарси, я просто беспокоюсь о тебе. Купи красивые вещи, вечерние платья. Разве так уж трудно это сделать?

Дарси открыла рот, чтобы сказать, что это очень трудно, но в этот момент он поднялся на ноги, заслонив собой свет. Она посмотрела в черные глаза, опущенные густыми ресницами, и сердце у нее сжалось – она подумала о том, как сильно ей будет его не хватать. Сможет ли она вернуться к жизни, которая станет пустой без властного любовника-итальянца?

– Что ты делаешь? – прошептала она, когда он потянул вниз молнию на джинсах.

– Ну же, включи свое воображение. Я собираюсь убедить тебя взять мои деньги.

Глава 2

Ренцо посмотрел на часы и нетерпеливо щелкнул пальцами. Где, черт возьми, Дарси? Она же знает, что он терпеть не может опозданий, знает, что он всегда придерживается своего графика.

Заложив ногу за ногу, он сидел в зале ожидания первого класса аэропорта, краем глаза наблюдая, как к нему поворачиваются женские головы. Он не обращал на это особого внимания, потому что в данный момент думал лишь об одной определенной женщине, и думал с раздражением.

Рейс, на который он велел Дарси взять билет – в первый класс, – прибыл двадцать минут назад, но среди пассажиров ее не было. Прищурившись, Ренцо всматривался в поток людей, ожидая, что вот-вот появится она и устремится к нему: лицо горит от волнения, аппетитная фигурка смотрится великолепно в новом платье... Но Дарси он не увидел и призвал сотрудника аэропорта, который проверил список пассажиров – в списке ее не оказалось.

Он нахмурился. Неужели ее нежелание взять деньги, на чем он настаивал, намного глубже, чем он себе представлял? Он думал, что она просто ломается, прячет природную жадность, свойственную большинству женщин, но, вероятно, он неправильно о ней судил. Вероятно, ее действительно оскорбило его предложение купить новые платья.

Или, может, она взяла деньги и сбежала, вообще не собираясь прилетать сюда, чтобы встретиться с ним?

В голове пронеслась шальная мысль: ему почти хочется, чтобы так и было, чтобы у него появилась обоснованная причина презирать ее вместо того, чтобы кипеть от злости? Неслыханное дело! Решения принимает она, а не он! Ренцо снова посмотрел на часы. Смешно. Надо же такому случиться, чтобы женщина, решившая порвать с ним, была пышногрудой, рыжеволосой крохой-официанткой, которую он подцепил в коктейль-баре. И это после стольких шикарных женщин, с которыми он встречался?

В тот вечер, когда он увидел ее, он совсем не собирался никуда выходить. Ренцо не особенно любил ночные клубы и всего лишь хотел выпить по-быстрому с банкирами, с которыми познакомился на обратном пути из Аргентины, – им было интересно посмотреть на ночную жизнь Лондона. Переполненный, сверкающий огнями зал в отеле «Гранчестер» ошеломил шестерых гостей. Они заказали шампанское и разглядывали женщин, потягивающих коктейли, решая, какую из них пригласить на танец. Но Ренцо не интересовали дамы, призывно ему улыбающиеся. Его внимание привлекла маленькая официантка с роскошными формами. Она словно влилась в черное атласное платье, которое облегало соблазнительные бедра. Но ее грудь... вот от чего у Ренцо пересохло в горле. *Madonna, che bella!* Какая грудь! Пышная, подрагивающая... А ложбинку хотелось облизать. Такое зрелище не скоро забудешь.

Он ни с кем не танцевал, потому что не сводил с нее глаз, давление в паху было настолько сильным, что опасался двигаться. Ренцо заказал у нее что-то выпить, но к бокалу не притронулся, а несколько раз подзывал ее к своему столику, ощущая, как накаляется кругом воздух. Он никогда прежде не испытывал такой тяги к совершенно незнакомому человеку. Он ждал, что она подаст хоть какой-то знак, что не равнодушна к нему, что заметила его пусть и бессловесное внимание. Но то, как она поглядывала на него из-под полуопущенных век, заставляло предположить, что она либо самая что ни на есть наивная простушка, либо непревзойденная артистка. А стал бы он добиваться ее внимания, будь она простушкой?

Конечно, стал бы. Он знал, чувствовал, что не сможет остановиться, потому что его охватила такая жажда овладеть ею, что он понял – не успокоится, пока этого не произойдет.

Он вышел из клуба, стоял и ждал. Наконец она тоже вышла. И Ренцо поблагодарил небеса за сильный дождь. Она, кажется, удивилась, увидев его, и раскрыла зонт. Ему вдруг пришло

в голову, а не возвращается ли она домой каждый вечер с новым кавалером. Правда, это его не остановило. Но когда он предложил подвезти ее, она отказалась, и отказалась так твердо, что он был поражен.

– Нет, спасибо.

– Нет?

– Я знаю, что вам от меня надо, – тихо произнесла она. – И этого вы не получите.

С этими словами ее фигурка под черным зонтом исчезла в темноте.

Ренцо обомлел. Он сидел в лимузине и смотрел ей вслед. Тело ныло от разочарования и... восхищения.

Он был в ночном баре на следующий вечер, и в уик-энд тоже, когда вернулся из Нью-Йорка. Он потрудился выяснить, что там она работает только по уик-эндам, а днем работает официанткой где-то еще.

Узнать у нее самой хоть что-то – это все равно как выжимать воду из камня. Такие скрытные женщины ему раньше не попадались. И такие упрямые. Но, вероятно, эти два обстоятельства подпитывали его упорство. И вдруг, когда он уже спрашивал себя, не тратит ли он впустую время, она согласилась, чтобы он подвез ее до дома.

– *Madonna mia!* Вы решились мне довериться и согласились, чтобы я вас подвез? – с усмешкой спросил он.

Она повела узкими плечиками, под черным сатиновым платьем большая грудь колыхнулась, отчего жгучие стрелы полетели прямо ему в пах.

– Решилась. Весь персонал видел вас не раз, вы есть на камерах видеонаблюдения, поэтому если вы убийца, то вас очень скоро схватят и арестуют.

– Я похож на убийцу?

Она улыбнулась, и это было словно солнце выглянуло из-за туч.

– Нет. Хотя вид у вас немного опасный.

– Женщины всегда говорят мне, что это плюс в мою пользу.

– Сомневаюсь, что это является достоинством, но сегодня отвратительная погода, так что я, пожалуй, соглашусь, чтобы вы меня подвезли. Но если вы думаете, что я буду с вами спать, то ошибаетесь.

Когда это произошло, то ошибалась как раз она. Они ехали по темным мокрым улицам Лондона, а потом он пригласил ее зайти на чашку кофе, совсем не ожидая, что она не откажется. Но, возможно, гормоны у нее разыгрались, пока она сидела с ним рядом на приятно пахнущем кожей сиденье. Он привез ее к себе домой, и там она чопорно заявила, что не любит кофе. Тогда он заварил для нее чай с мятой и лепестками роз и впервые в жизни понял, что если станет торопить события, то она упорхнет. Позже он задавался вопросом, уж не сдержанность ли, столь ему несвойственная, привела к тому, что она успокоилась и уселась на огромный диван. А когда он наклонился, чтобы поцеловать ее, она уже вся дрожала от желания и не отстранилась от него. И он этим воспользовался – стянул с нее трусики и овладел ею прямо на диване, потому что боялся, что она передумает, пока он донесет ее до спальни, поскольку идти туда из гостиной далеко.

И тут-то он обнаружил, что овладел невинной девушкой. В этот момент все изменилось, мир сошел с оси, потому что никогда прежде у него не было отношений с девственницей и он не был готов к шквалу ощущений, обрушившихся на него. Когда после произошедшего они лежали рядом на диванных подушках и ловили ртом воздух, он отвел завиток с ее влажной щеки и спросил, почему она ему ничего не сказала.

– Зачем? Разве это вас остановило бы?

– Нет, но я, по крайней мере, уложил бы тебя на кровать, а не на диван, если бы знал, что это твой первый сексуальный опыт.

– Чтобы это было похоже на средневековое жертвоприношение?

Он смутился, потому что ожидал взрыва чувств, а не холодного ответа.

Вероятно, ее хладнокровное спокойствие разогревало его страсть и желание быть с ней и дальше. Вероятно. Он сначала думал, что одной ночи достаточно, но ошибся. Он никогда не встречался с официанткой, и снобизм подсказывал ему, что неразумно это продолжать. Но Дарси ставила его в тупик. Она прочитала столько книг, столько всего знала – никак не меньше, чем ученая дама, с которой он одно время встречался, – хотя и предпочитала романы молекулярной биологии. И она не уподоблялась большинству женщин, рассказывая истории из своего прошлого, и не приставала к нему с вопросами о его прошлом. Их нечастые, но обоюдно радостные встречи, полные бурного секса, устраивали и того и другого. Она, кажется, интуитивно понимала, что он не ищет душевной связи с женщинами.

Но иногда в мозгу стучал один смущающий его вопрос: почему такая красавица охотно распрощалась со своей невинностью в объятиях мужчины, которого она практически не знала? И неприятный ответ то и дело приходил на ум: а не нацелилась ли она получить высокую цену, отдавшись итальянскому богачу?

– Ренцо?

Ренцо поднял голову и увидел Дарси, идущую к нему с потрепанным чемоданом на колесиках. Это была не та Дарси, какую он знал – в невзрачном коричневом платье официантки или голую, лежащую на белых простынях. Ренцо прищурился. На Дарси было ярко-желтое платье с синими цветочками. Простого фасона льняное платье, но как же оно на ней сидело... Дело не в покрое и не в том, сколько оно стоило. Дело в юном теле и природной красоте. С обнаженными руками и ногами, упругими от тяжелой работы, а не от тренажеров, она вся светилась и сияла свежестью, полная грудь покачивалась в такт шагов. И все мужские головы повернулись к ней. У Ренцо пересохло во рту. Он представил себе, что все эти мужчины при виде подобного великолепия думают о том, как бы заняться с ней любовью и производством потомства. Что касается потомства, то это не по его части, а вот секс – совсем другое дело.

Ему хотелось схватить ее, впиться в губы и прижаться к ее мягкой груди. Но Ренцо Сабатини не может допустить, чтобы увидели, как в аэропорту – не говоря уже о том, что он у себя на родине, – он устраивает публичную демонстрацию своих сердечных привязанностей.

– Ты опоздала, – натянуто произнес он, отбросил в сторону газету и встал.

Дарси кивнула. Она чувствовала, что он раздражен, но это не умалило ее удовольствия от того, как он на нее смотрит, – это ее подбодрило, и она уже не думала о том, что совершила ужасную ошибку, купив дешевое платье вместо дорогого, которое он рассчитывал на ней увидеть. И к тому же она опоздала. Вообще-то она боялась, что не доберется сюда из-за приступов тошноты, изматывавших ее целую неделю.

– Да, я знаю. Прости.

Он забрал у нее чемодан и поморщился, когда взял в другую руку сумку.

– Что у тебя там? Кирпичи? – спросил он, направляясь к выходу.

– Книги. Хотя не знаю, будет ли у меня время на чтение.

В другое время он не удержался бы от соблазнительного замечания, но сейчас промолчал, а по суровому выражению его лица она поняла, что он еще не готов простить ее за то, что заставила его ждать. Он продолжал молчать, когда они вышли из здания аэропорта. Но Дарси охватил такой восторг от слепящего солнца и синего неба, что она забыла о его недовольстве.

– Ой, Ренцо... не могу поверить, что я в Италии. Такая красота! – воскликнула Дарси, но Ренцо молчал. Он молчал до тех пор, пока его блестящая черная машина не выехала с территории аэропорта и не направилась в сторону Кьюзи.

– Я прождал в этом чертовом аэропорте битый час, – рявкнул он. – Почему ты не прилетела тем рейсом, каким я тебе велел?

Дарси заколебалась. Можно было бы придумать какую-нибудь историю, чтобы его умиротворить, но ее жизнь и без того уже окутана столькими недомолвками и секретами, страхом,

что кто-то все узнает и осудит ее. Зачем добавлять еще одну увертку к длинному списку того, что ей нужно скрывать? Но сейчас совсем другое дело. Этого она не стыдится, так что почему честно не признаться в своем решении, которое она приняла, когда он вручил ей толстую пачку денег?

– Потому что это слишком дорого, – ответила она.

– Дарси, я же дал тебе деньги на тот рейс.

– Знаю, и это было очень щедро с твоей стороны. – Она сделала глубокий вдох. – Но когда я увидела, сколько стоит перелет во Флоренцию первым классом, я просто не смогла этого сделать.

– Что значит – не смогла?

– Нелепо тратить такую сумму на два часа полета, поэтому я купила билет на бюджетный рейс.

– Купила... что?

– Ну, там, конечно, не хватает всем бутербродов и чай чуть теплый, но я сэкономила кучу денег, потому что разница в цене колоссальная. И с одеждой я поступила так же.

– С одеждой... – повторил он, ничего не понимая.

– Да. Я пошла в универсальный магазин на Бонд-стрит, который ты рекомендовал, но там цены на платья немыслимо завышены. Я поверить не могла, когда увидела ценник на футболке. Поэтому я пошла в другой магазин и нашла то же самое, но дешевле, вот как это платье. – Она провела ладонями по ярко-желтому льняному платью, но голос у нее прозвучал немного неуверенно. – Выглядит хорошо, правда?

Он посмотрел на то место, которого она коснулась, – на бедро.

– Да, – хрипло произнес он. – Выглядит отлично.

– Тогда в чем дело?

Он хлопнул кулаком по рулю.

– В том, что я не люблю, когда поступают вразрез с моими желаниями.

Она засмеялась:

– Ох, Ренцо. Ты похож на директора школы. Ты не мой учитель, а я не твоя ученица.

– Да ну? – Он поднял брови. – А я-то считал, что я в ответе за то, чему тебя научил, и научил многому.

У нее загорелось лицо. На большой скорости они ехали мимо сине-зеленых гор, Дарси смотрела на профиль Ренцо. Он притягивал ее больше, чем красоты Тосканы. Он самый потрясающий мужчина на свете. Будет ли она чувствовать то же самое к другому? Вот так же стянет грудь, что едва можно продохнуть? Скорее всего – нет. Подобного с ней раньше не случалось, поэтому маловероятно, что случится снова. Как сам Ренцо описал то, что случилось, когда они впервые встретились? *Colpo di fulmine*⁴ – вот что было, а это бывает крайне редко. Это единственное из итальянского, что она знала.

Дарси искоса посмотрела на него. Черные волосы растрепались, ворот рубашки расстегнут, оливковая кожа золотится под лучами солнца. Темные, грифельные брюки плотно сидят на крепких бедрах. У Дарси тут же зачастил пульс. Ей не доводилось быть с ним в машине после той ночи, когда он ее соблазнил – или, скорее, когда она сама упала в его объятия. Она едва бывала с ним где-либо, кроме спальни, а сейчас ее вдруг охватила радость. Среди поразительного пейзажа, мелькавшего за окном, словно в телерекламе, ей пришло в голову, как легко представить их настоящей любящей парой. Но не следует фантазировать. То, что с ней сейчас происходит, произойдет лишь один раз. В последний раз она получит наслаждение от Ренцо Сабатини перед тем, как начнет новую жизнь в Норфолке и станет забывать его, забы-

⁴ Удар молнии, любовь с первого взгляда (ит.).

вать мужчину с холодным сердцем, научившего ее тому, что такое чувственный восторг. Блестящий архитектор, пунктуальный и сдержанный, превращался в спальне в тигра.

– И что же мы будем делать, когда приедем в твой дом? – спросила она.

– Помимо постели? Ты об этом?

– Да, – согласилась она. Лучше бы он этого не говорил, потому что грудь у нее мгновенно закололо. Неужели ему так уж необходимо беззастенчиво повторять, что это – единственное ее предназначение в его жизни? А она упаковала кроссовки... Наверное, она неправильно расценила, что ее ждет здесь. Покажет ли он ей Тоскану, или они дальше спальни не продвинутся, просто секс у них будет происходить в более экзотическом месте? Он, кажется, уловил, что ей неприятно его замечание, потому что бросил на нее быстрый взгляд.

– Сегодня на обеде будет гость – он тот человек, который покупает мое поместье, – помолчав, сказал Ренцо.

– Да? Гости бывают часто?

– Нет. Он вообще-то мой адвокат. Я хочу уговорить его сохранить прислугу – они проработали в Валломброзе много лет. С ним будет его подруга, так что хорошо, что ты тоже здесь... уравновесить число.

Дарси кивнула. Понятно. Ну разумеется. Она здесь, чтобы занять пустующее место за столом и согреть постель миллионера. А зачем еще? Глупо, но его слова обидели ее, хотя она виду не подала – научилась делать это, и весьма успешно.

Детство, полное лишений и страха, научило ее прятать свои чувства. И окружающие видели совсем другую Дарси. Дарси, которую предполагаемые приемные родители хотели бы удочерить. Иногда она спрашивала себя, что открылось бы, если маска, за которой она пряталась, упала бы. Но этого она никогда не допускала.

Они проезжали прелестную деревушку на вершине холма, и Ренцо спросил:

– Когда в последний раз ты была за границей?

– О, сто лет нигде не была, – не уточняя, ответила она.

– Почему?

Дарси смотрела вперед и думала о благотворительной поездке в Испанию на автобусе, когда ей было пятнадцать лет. Тогда от палящего солнца она обгорела – кожа очень нежная, а спать в жилом автофургоне – это все равно что находиться в раскаленной консервной банке. Конечно, следовало быть благодарной, что приходская церковь около приюта собрала достаточно денег на такое путешествие. Да, вилла Ренцо Сабатини явно не будет на это похожа.

– Я ездила за границу один-единственный раз, еще в школе.

Он нахмурился:

– Значит, заядлой путешественницей тебя не назовешь.

– Выходит, что так.

Дарси насторожилась. Перед этой поездкой она беспокоилась, что может совершить какую-нибудь оплошность. Ну разумеется, не такую очевидную, как неумение правильно пользоваться ножом и вилок на званом обеде – работа официанткой научила ее всему, что необходимо знать о столовых приборах.

Но она совершенно не учла, что может оговориться и что-нибудь выдать – то, что вызовет у Ренцо неприятие и даже отвращение. Ренцо говорил ей, что одна ее черта очень ему нравится – помимо других. Это не одолеваять его вопросами, не пытаться выведать подробности, чтобы лучше его узнать. Но и он, в свою очередь, не расспрашивал ее о прошлом. Эта ситуация ее вполне устраивала. Очень устраивала. Она не хочет лгать, но правду она никогда не сможет ему сказать. Какой в этом смысл? В их связи нет будущего, так зачем сообщать ему о материнской наркоманке? Зачем выносить боль, видя, как презрительно скривились у него губы? В мире, где каждый стремится к совершенству и осуждает других, Дарси быстро поняла, что самое лучшее – это убраться в шкаф как можно глубже.

– Ты ведь понял, что я сэкономила деньги за авиабилет и одежду?

– Да, Дарси, я понял. – Губы у него дрогнули, и он бросил на нее насмешливый взгляд. – Богатому человеку, у которого слишком много денег, бедная девушка показывает, сколько он мог бы экономить, если бы покупал вещи в обычных магазинах. Я все понял.

– Не надо насмехаться, Ренцо. Я хочу их тебе вернуть – деньги у меня в сумке.

– Но я не хочу, чтобы ты их возвращала. Когда же ты поймешь? У меня денег более чем достаточно. И если тебе будет легче, то знай – я восхищен твоей находчивостью, а также нежеланием быть соблазненной моим богатством. Редкое качество.

Наступило молчание.

– Мы оба знаем, что меня соблазнили не твои деньги, Ренцо.

Она не собиралась этого говорить, но это были честные слова и объясняли, почему с самого начала она потянулась к нему. Не его деньги, не его высокое положение пленили ее, а он сам – привлекательный и неотразимый. Дарси услышала, как он вздохнул:

– *Madonna mia*. Ты вынуждаешь меня свернуть на ближайшую стоянку и сделать то, что я очень хочу сделать, начиная с нашей первой встречи.

– Ренцо...

– Мне не нужны эти проклятые деньги, которые ты не потратила! Мне нужно от тебя совсем другое. Положи руку мне на колени, и сразу поймешь.

– Но не за рулем, – ответила Дарси. Он опять все перевел на секс! Такой уж он человек, и ничего тут не поделаешь. Ей не нужно дотрагиваться до него, чтобы понять, как он возбуждился, – под натянувшейся темной материей брюк выпирал твердый бугор. И вдруг губы у нее пересохли – ей захотелось, чтобы секс у них произошел прямо сейчас. Потому что сексом она заглушит свои желания получить то, чего у нее никогда не будет. Не будет того, что другие женщины считали само собой разумеющимся, – к примеру, когда мужчина обещает любовь и защиту. Это ей казалось таким же недостижимым, как горы вдали. Дарси с трудом вернулась в действительность. – Расскажи мне о том месте, куда мы едем.

– Уместнее говорить об этом, чем узнать, какое белье у тебя под платьем?

– Для нас жизненно важно, чтобы ты следил за дорогой.

– Ох, Дарси, – засмеялся он. – Ты за словом в карман не полезешь. Я тебе говорил, что меня восхищает эта твоя способность?

– Ренцо, я хочу поговорить о твоём доме.

– Ладно. Поговорим о доме. Дом старый, – сказал он, объезжая грузовик с арбузами, – и стоит на фоне пейзажа, достойного кисти Леонардо. Вокруг сады, виноградники и оливковые рощи. Мы производим первоклассные вина из винограда Санджовезе. И еще оливковое масло, которое продаем в элитарные магазины Лондона и Парижа.

То, что он перечислил, вполне могло быть написано на веб-сайте по продаже поместья, и Дарси ожидала другого, но вежливо ответила:

– Звучит впечатляюще.

– Так и есть.

– Тогда... почему ты продаешь поместье?

– Время пришло, – пожал плечами он.

– Почему?

Слишком поздно она сообразила, что задала на один вопрос больше, чем следовало. Он насупился, и губы сложились в твердую, упрямую линию.

– Разве причина нашей необыкновенно приятной связи не в том, что ты не надоедаешь мне вопросами?

На нее словно спустилась темнота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.